

A man with brown hair and blue eyes, wearing a grey shirt, is in the foreground, looking directly at the camera with a serious expression. Behind him, a woman with long brown hair and blue eyes is also looking at the camera. The background is softly blurred, showing what appears to be a window with curtains and some red flowers.

Ася
ПЕТРОВА

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Ты мне нужна

Ася Петрова

После развода. Ты мне нужна

<https://litres.ru/74213388>

Аннотация

— Лиза, ты, наверное, сейчас меня не поймёшь. И имеешь на это право. Но... Я так больше не могу, Лиз. Я не вывожу. Нам нужна пауза.

— Нам... — резко вокруг всё застывает. И тошнота. Да, именно она подкатывает к горлу, настойчиво просясь наружу, — Нам это кому?

— Нам с тобой. Посмотри на нас... Два уставших, заколебавшихся человека. У нас интима то нет почти. Кроме детей общих тем нет. Это не похоже на любовь.

— А на что же это похоже?

Слёзы... Ох, как мне сейчас тяжело их сдерживать, но я почему-то держусь. Из самых последних сил.

Мы с мужем в браке семнадцать лет, у нас трое прекрасных детей. И после всего прожитого вместе наша “пауза” превратилась в развод. Все могло бы так и закончиться. Но спустя полгода после развода он приходит ко мне со словами, что нам срочно нужно вновь стать мужем и женой.

Почему?

Потому что я беременна четвертым.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения после развода,
эмоции на грани, обязательный ХЭ

Героев ругать можно, автора нет)

**НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И
ПОСТАВИТЬ ♥# МНЕ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНА ВАША
ПОДДЕРЖКА!**

Все истории литмоба "Красная нить судьбы" здесь

Содержание

Глава 1. Лиза	5
Глава 2. Лиза	10
Глава 3. Лиза	14
Глава 4. Лиза	19
Глава 5. Лиза	24
Глава 6. Лиза	29
Глава 7. Лиза	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Лиза

— Мама, я ничего не понимаю. На, помогай... И вообще, кто придумал деление столбиком? Полдня эти числа подбираешь, ничего не понятно. Я сейчас сойду с ума.

Я тоже сейчас сойду с ума!

Прикладываю прохладные ладони к горящему лицу, подвигаю ближе к себе тетрадь дочери, внимательно всматриваюсь в расплывающиеся числа.

Третий раз! Третий раз мы в течение часа проходим одно и то же, но, увы, в голове у Полины не откладывается информация совсем.

Зато ролики в ТикТок она успевает штопать по пять штук в день.

— Полиш, прошло пятнадцать минут, ты можешь посидеть подольше и подумать? Я понимаю, что математика тебе даётся с трудом, но это база. Что ты будешь делать потом, когда у вас начнутся синусы и косинусы? Про тангенсы я вообще молчу...

— Вот и не надо, мам, про ваши эти тангенсы, — дочь активно качает головой, — Я творческая личность, математика не моё.

— А что твоё? Ролики снимать под музыку?

— Сейчас на этом миллионы зарабатывают! И вообще, я папу дождусь, может, он поможет мне с этими делениями.

Полина театрально хнычет, захлопывая тетрадь в клеточку. Я бросаю беглый взгляд на часы — Паша задерживается. В последнее время очень часто.

— Это была моя катка! Ты меня бесишь! Пошёл в жопу!

Сверху доносится крик и топот ног. По лестнице, попутно толкая друг друга и ругаясь, спускаются братья-близнецы. Когда я носила парней в животе, мне говорили, что у близнецов особая связь, они будут всегда рядом друг с другом.

Пока что... За все их четырнадцать лет они научились только драться и задиаться друг на друга. О связи там и речи нет... Тем более особенной.

— Кирилл! Матвей! Прекратите... Сколько можно? Я беру у вас приставку, если вы не научитесь договариваться.

— Мам, тут не с кем договариваться. Он тупой.

Кирилл подходит к холодильнику, пыхтя открывает его и залпом выпивает апельсиновый сок из картонного пакета.

Матвей налетает на него со спины, толкая брата вперёд. И вновь начинается драка.

— Прекратили! Оба!

— Мам, когда я вырасту и если захочу замуж, — дочь деловито складывает руки на груди, — Напомни мне, пожалуйста, какие мальчишки идиоты!

— Математика! Живо!

Я повышаю голос, а у самой нервы сдают. Мне удаётся уговорить мальчишек и заставить их убирать бардак, который они устроили. Сама же сбегая на террасу, где глотаю

порывы ветра ртом, наполняя лёгкие воздухом.

Усталость уже перманентная, она с каждым днём словно снежный ком становится всё больше. Конца и края не видно.

Дети — это тяжёлый труд. Я их очень люблю, а как не любить своих родных... Но иногда готова придушить. А лучше — сбежать. На край света.

Ворота разъезжаются, во двор въезжает машина мужа. Паша паркуется, ловко выпрыгивает из своего крузака и достаёт пакет из багажника.

Не сразу меня замечает, двигаясь вперёд. Хмурый и такой же уставший...

Мы мечтали о большой семье, но и не подозревали, как это трудно. И баланса у нас нет. Увы. Совсем.

— Паш, — окликаю его.

— Лиза, — кивает и, меняя направление, движется в мою сторону, — Припозднился, дел много. Вот по пути в магазин заехал.

Я благодарю его за покупки, клюю губами в колючую щёку, а после прошу его побриться. У меня от его щетины раздражение на коже.

Паша не отвечает, лишь ведёт плечом.

— Как у вас дела?

— Ну, судя по тому, что я прячусь от детей на террасе...

— Опять драки, сопли, визги?

— Ага. И математика. Деление столбиком.

Пашка закатывает глаза. Мы же уже вторую неделю бьём-

сы с этим, мать его, делением...

— Ты не устала?

Усмехаюсь. Самый глупый вопрос, который можно было вообще задать.

— Устала, Паш. Конечно, устала.

Он молчит пару секунд, а потом поднимает свои голубые и глубокие глаза на меня. Я впервые вижу его таким, словно он... Да, нет.

Просто он тоже устал.

— Я не про это... Ты не устала от семьи?

— Иногда я хочу сбежать, но ведь так поступают безответственные люди. А мы с тобой не такие.

Он вновь молчит, а я почему-то начинаю чувствовать себя очень неудобно. И ветер становится резко холоднее, кожа зябнет, приходится укутываться потеплее в вязаную кофту.

— Лиза, ты, наверное, сейчас меня не поймёшь. И имеешь на это право. Но... Я так больше не могу, Лиз. Я не вывожу. Нам нужна пауза.

— Нам... — резко вокруг всё застывает. И тошнота. Да, именно она подкатывает к горлу, настойчиво просясь наружу, — Нам это кому?

— Нам с тобой. Посмотри на нас... Два уставших, заколебавшихся человека. У нас секса-то нет почти. Кроме детей общих тем нет. Это не похоже на любовь.

— А на что же это похоже?

Слёзы... Ох, как мне сейчас тяжело их сдерживать, но я

почему-то держусь. Из самых последних сил.

— На привычку. Я поживу пока отдельно, хорошо? Нужно время, чтобы всё обдумать.

Он кладёт руку на моё плечо, сжимает его аккуратно и идёт ко входу в дом.

— Паша, — окликаю в самый последний момент, когда голос предательски дрожит, — У тебя кто-то есть?

Глава 2. Лиза

— Если я тебе скажу, что есть, тебе ведь не станет легче. Мне уже точно не станет легче.

Хватаюсь за деревянные перила, вжимая пальцы со всей силы. Нужно что-то сказать, ответить... Я не знаю.

Какие-то слова мудрые, а может, колкий ответ? Поругаться?

В голове такой сумбур, что из мыслей остаётся только тотальная жалость к себе. Я её душу, не разрешаю себе быть слабой в этот момент, но обиде плевать, что я там хочу.

— После семнадцати лет брака ты сбегаешь, как трус?

— Лиза... Давай не будем устраивать сцены и ругаться. Дети могут нас услышать.

— Услышать что? Что у их любимого папы есть другая женщина?

Ну давай, злость... Рвись наружу. Ты мне сейчас нужна, чтобы я перевела фокус на тебя, а не на предательские слёзы, которые рвутся наружу.

— Детям необязательно знать, что происходит в личной жизни их родителей. Мы остаёмся для них всё теми же... Я скажу им, что мне нужно пожить в квартире, так как работы сейчас много, и нужно быстрее добираться до работы.

— А потом что? Ну... — усмехаюсь. Возможно, пока я проверяла математику, то уснула. И сейчас мой измотанный

мозг выдаёт такой нелепый сон, дурацкий и неправдоподобный. Но я действительно щипаю себя, ощущаю боль в руке и понимаю, что это не сон, — Когда пройдёт месяц, второй... Что ты им скажешь?

— Тогда мы примем решение. С тобой вдвоём.

Я хочу ответить ему, что почему же тогда он сейчас решение принял без меня? Почему, когда почувствовал, что ему плохо со мной, как с женщиной, не пришёл и не сказал об этом сразу?

Почему играл роль порядочного семьянина, когда сам искал любовь на стороне...

Ох, чёрт! Я думала, что ничто не выбивает из равновесия, как дети.

Увы. Я ошибалась.

Сейчас меня просто выбило из всех жизненных систем.

Я оборачиваюсь, чтобы задать ещё один вопрос, но мне мешают это сделать.

— Папуля! Папочка!

Полина выбегает и виснет на отце, как обезьянка.

— Привет, крошка! Мама говорит, что у тебя очередной бой с математикой?

— Я хочу быть блогером, пап. Математика мне не нужна.

— Ты можешь стать математическим блогером, — шутит он, словно несколько минут назад не вынес приговор нашей семье.

Они заходят в дом, а я остаюсь на улице. Одна.

И по ощущению, что сейчас я совсем одна в этом мире.

С трудом нахожу в себе силы на искусственную улыбку, чтобы дети ничего не заметили. Кормлю семью, мужу подаю тарелку с курицей и картофельным пюре, как примерная и любящая супруга, у которой внутри все проводки обрываются.

Полина засыпает быстро, у неё режим. С парнями тяжелее... Но всё же, после нескольких окриков они расходятся по углам и засыпают.

Я даю себе время... Отмашку. Долго прихожу в себя в душе, ловя губами капли воды. Потом делаю разные маски для лица, крема, пилинги.

Когда выхожу из ванной комнаты, Паша лежит на своей половине кровати, читая что-то на планшете. Бросает в мою сторону взгляд, когда я беру в руки подушку и одеяло.

— Ты куда?

— Очевидно, что я не стану с тобой спать рядом.

— Почему?

Он сейчас серьёзно?

— Потому что ты... спишь с другой! Паша, ты в себе вообще? Хватит вести себя так, словно несколько часов назад ты не поставил крест на всём, что мы строили эти семнадцать лет.

— Не кричи! Дети спят.

— Ты вспомнил о детях? Надо же... А что ж ты про них не вспомнил, когда искал удовольствие на стороне? Боже...

Какой же абсурд.

Он буравит меня тяжёлым взглядом, словно выжигает дыру у меня в груди.

— Ты останешься спать здесь, Лиза. Потому что я не хочу, чтобы у наших детей возникли вопросы раньше времени. Или я что-то неясно говорю?

Глава 3. Лиза

Мне кажется, что между нами сейчас начнётся настоящая потасовка, потому что я закипаю за секунду после его слов.

Он говорит со мной так, словно имеет право приказывать. Словно я игрушка в руках умелого кукловода.

Тяну одеяло на себя резко, как раз в тот момент, когда он разжимает ладони. Из-за толчка лечу вниз, ударяясь головой об угол рядом стоящей тумбы.

Ударяюсь не просто до шишки, а до приличного ушиба в височной доле, откуда тут же капает струйка крови.

Паша вскакивает, откидывая планшет в сторону, подбегает ко мне, помогая встать.

— Господи, Лиза! — вертит мою голову в разные стороны.
— Что ты устроила? У тебя кровь хлещет.

— Я устроила?

От обиды голос даёт слабинку, выдавая меня с потрохами.

— Ты бы просто знал, как я тебя сейчас ненавижу, Паша...
— меня трясёт, — я даже смотреть на тебя не могу. Он устал, видите ли... от семейной жизни. А я что, самая счастливая на свете? Хожу и каждый день улыбаюсь, да?

— Вот именно поэтому я и предложил разойтись!

Он рывкает, а после всё же берёт себя в руки, медленно выпуская воздух через рот.

— Прими же ты, мы как соседи с тобой. Между нами толь-

ко дети. И всё. Разве это семейная жизнь?

— Многие так живут, Паш. Да и что нам мешало наладить интимную часть? Ты же не жаловался, откуда мне было знать, что тебе мало? Как я вообще могла залезть к тебе в голову и прочитать мысли?

— Я сам... — он осекается, даёт себе передышку, — я сам недавно только понял, что у меня... — снова делает паузу, и каждая такая заминка как взмах палача перед казнью, — что у меня чувства к другой.

И занавес.

Резко скидываю его руки, по телу бежит дрожь, холодно так, что я трясусь.

— Возьми одеяло и уходи спать в гостиную.

Говорю не своим голосом. И кажется, он по одному моему тону понимает, что это не обсуждается.

Что это приговор. Нам.

Паша молча забирает спальные принадлежности, останавливается лишь на секунду в дверях, бросив мне, что рану надо обработать. Будто я и без него не в курсе.

Перед зеркалом я вижу ту версию себя, с которой раньше не встречалась. Глаза бешеные от злости, щёки красные, а зрачок расширен. Губы же, наоборот, плотно сжаты.

На белой ткани ночнушки алое пятно крови. Я смачиваю ватный диск в прохладной воде, стираю следы и прикладываю его к ушибленному месту.

В голове повторяется его фраза про чувства к другой. Как

заезженная пластинка ездит по мозгам.

Даже не помню, как останавливаю кровь, как ложусь спать. Да и сплю ли я вообще? Сон прерывистый и беспокойный.

Утром вскакиваю довольно рано, но уже слышу мальчиков, которые собираются в школу.

Словно по инерции иду будить Полину. Она, конечно же, хнычет, что не хочет в школу. И я честно не хотела быть бешеной собакой, но срываюсь.

Прикрикиваю на неё, в ту же минуту себя коря. Ведь дочь ни в чём не виновата. Это я не в силах справиться с эмоциями.

Полина обиженно дует губы.

Внизу никого нет. Даже следа на диване, указывающего на то, что Паша спал здесь. Внутри щемит.

Уехал ночью? Или не спал вовсе?

Детям пока ничего не говорю. Да если бы я знала, что вообще говорить.

Они интересуются о моём синяке, я придумываю небылицу о том, что поскользнулась в ванной на кафеле и упала. И они верят.

Мальчики забирают Полину с собой, все уходят, дом погружается в тишину. И меня придавливает бетонной плитой. Все чувства достигают эпицентра, а слёзы дают волю.

Рыдаю. Рыдаю так, словно оплакиваю ушедшего.

Я хороню нашу семью.

Только после трёх часов истерики вспоминаю, что вообще-то записана на маникюр. И радуюсь этому. Мне нужно отвлечься, нужна хоть какая-то передышка, иначе сожру себя сама.

Пусть Лена, мой мастер, лучше щебечет мне на ухо все сплетни, которые собрала. Пусть я лучше окунусь в чужую драму, чем буду участницей своей собственной.

Лена и правда меня отвлекает, я этому радуюсь. Съедаю аж три конфеты, шоколадные, с кремовой начинкой. По взгляду понимаю, что Лена видит изменения во мне, но, благо, ей хватает ума и такта, чтобы промолчать.

Если мне сейчас задать вопрос: «Что со мной?»

Либо я снова впаду в истерику, либо буду злой и агрессивной. И тот, и тот расклад меня не устраивает.

С новыми ногтями пудрового оттенка и с вырванной душой выхожу из салона.

Домой не хочу. К детям не хочу. К родственникам тоже.

Никуда не хочу. Но есть слово «надо».

Не успев сесть в машину, я словно в сюрреалистическом фильме ловлю взглядом знакомую фигуру. Паша улыбается, спина ровная, движения чёткие.

Он демонстрирует свою уверенность.

Той, которую сейчас держит за руку. И той, кого нежно целует в щёку.

Дорогие мои и любимые, давно у меня не было соло стартов, очень волнуюсь) и буду вам безмерно благодар-

на за поддержку. Ваши реакции и лайки помогут мне еще больше вдохновиться и писать для вас) Обнимаю!

Давайте наберем 250 звезд, если вам не сложно # поставьте лайк, пожалуйста)

И тогда я обязательно выложу визуал и еще одну главу до 18:00)

Глава 4. Лиза

— Мам, прежде чем ты заглянешь в электронный дневник и увидишь там двойку, я сразу скажу... Это всё ещё деление.

Будь оно проклято, это деление... И я бы безусловно сейчас включилась в разговор с дочерью, если бы перед глазами не стояла картина, где мой муж с другой женщиной.

Полина продолжает что-то щебетать, из её слов я лишь понимаю, что она обещает исправить оценку. Что останется на дополнительные занятия с математичкой.

Киваю машинально, словно это совсем не я.

— Мам, у тебя всё хорошо? Честно, я была уверена, что ты станешь ругаться.

— Полиш, я услышала тебя. Не стану. Но оценку исправь, пожалуйста.

— Хорошо.

Она неверяще округляет глаза. Нет, я не деспот, не бью детей за оплошности и не наказываю за каждую двойку. Просто ведь у нас по математике полный абзац, это не первая двойка и даже не вторая.

Поэтому Полина боится, что я буду ругаться. Но сил на это у меня нет совсем.

Пока я ехала домой, приняла решение. Знаю, что после него будет сложно всем. И мне, и детям... и, возможно, даже Павлу.

Только я не готова к временной паузе, в которую не верю.
— Позови мальчишек, пожалуйста. У меня к вам разговор.

Полина кивает и убегает наверх, а через пару минут возвращается с братьями. Благо сегодня они не ссорятся, выглядят более-менее спокойными. И мне это на руку.

— Дети, есть кое-что, что я хочу, чтобы вы знали. И важно, чтобы вы услышали эту новость от меня.

— Мам, ты пугаешь.

Полина жмётся к Матвею, а тот опускает руку на её плечо. Между собой они собачатся всегда, но за сестру — горой.

— Я приняла решение развестись с вашим отцом. Пока не готова обсуждать причины, да и вряд ли вы поймёте. Просто хочу, чтобы вы знали: я и папа вас будем любить несмотря ни на что. Неважно, живём мы вместе или порознь. Думаю, что папа не будет против и оставит этот дом нам. Вы всегда сможете приезжать к нему в гости, когда захотите. Я препятствовать общению не буду.

Молчание.

Жду хоть какую-то реакцию. Но первые секунды — тишина.

А после крик и слёзы. Полинины. Она падает на пол, кричит, бьётся руками и ногами о кафель, рыдает так, словно уже хуже ничего в жизни быть не может.

— Мам, ты сошла с ума? Какой развод?

Матвей в шоке делает шаг вперёд, а брат его останавлива-

ет одним движением руки.

— А ты чё, не видишь, что наши родители давно уже не счастливы вместе? Ничего страшного, пусть разводятся. Они же всё равно наши родаки.

— Больной, да? — Матвей пихает брата.

— Сам ты больной. У Кривошеева вон родаки развелись, и чё, норм всё живут. Не будь Полиной номер два, ещё заплачь.

— Мальчики, прошу вас... Мне и так тяжело, не ругайтесь, пожалуйста. Полиша, иди ко мне

Тяну руки к дочери, но она только ещё громче начинает рыдать. Истерика становится невыносимой, достигая ультразвука.

Мальчики продолжают ссору, и вновь завязывается драка.

Во всём этом хаосе мои эмоции и чувства словно по щелчку отключаются. Я понимаю, что всё, что мы с Пашей строили долгими годами, сейчас рушится.

Но я имею право на то, чтобы принять такое решение. Любить мужа и быть обманутой я не хочу.

Лучше сразу уйти, пока не стало ещё хуже... А предел этому есть.

Весь этот гомон нарушает крик Павла. Он орёт, только войдя в дом, чтобы все немедленно уgomонились.

— Что вы здесь устроили? Ни дня спокойствия. Ладно, Полина, она ещё ребёнок. Вы, — тычет пальцем на сыновей, — здоровые лбы, а всё решать вопросы ртом не научились.

Лишу вас к чёртовой матери карманных средств и летом в трудовой лагерь поедете! Надоело!

— А, бать, надоело, да? — Матвей скалится недобро. — Наверно, поэтому вы с мамой разводитесь. Тебе семья наша надоела?

Паша переводит взгляд на меня, приподнимая бровь. А я лишь жму плечами.

Чего он хотел, когда говорил про чувства к другой? Моего понимания? Женской мудрости?

— Папочка, не бросай меня. Не уезжай.

Полина вскакивает с пола, несётся к отцу со всех ног, врезаясь в его бёдра. Обхватывает и продолжает рыдать, уже захлёбываясь собственными слюнями.

— Что ты им сказала?

— Правду, — выдаю тихо, но он слышит.

— Какую, мать его, правду?

— Что мы с тобой разводимся. Что мы продолжим любить наших детей так же сильно, только жить будем не вместе. Разве я сказала что-то не так, Паш?

— Ты всё сделала не так, Лиза. Ты сделала всё так, как не надо было делать.

Он берёт на руки дочь, прижимая к себе.

— Я просил паузу! А не развод!

Усмехаюсь, качая головой.

Он просил меня перетерпеть его загул и отношения с другой женщиной... Закрывать глаза на то, что у него есть не про-

сто секс на стороне, а настоящие отношения с чувствами.

Замечательная просьба после семнадцати лет брака.

Глава 5. Лиза

Прошло шесть месяцев.

— Я заказала в Wildberries несколько боди, посмотри потом, пожалуйста, какие тебе больше нравятся. Выкуплю их тогда.

— Хорошо, мам, спасибо. Я ценю твою поддержку, но ты стала тратить слишком много денег... У тебя не такая большая пенсия. Если ты думаешь, что я сижу без денег, то не переживай, Паша помимо алиментов присылает на детей щедрые суммы. Не бедствуем.

Мама молчит, но по выражению лица вижу всё её недовольство.

Ставлю телефон ровно, опирая его корпус о салатницу, сама продолжаю резать овощи и разговаривать с матерью по видеосвязи.

— Ты ему когда скажешь?

Мы снова вышли на эту тему. Тему, которую я не хочу поднимать совсем.

— Скоро скажу... Честно, мам, я понимаю, о чём ты думаешь. Твои мысли слишком громкие. Но я недавно только оправилась от развода, начала вновь улыбаться, дышать полной грудью. Я просто боялась, что он начнёт настаивать...

— Настаивать на чём? На аборте?

Киваю, а самой страшно. Мы развелись с ним довольно

быстро, у нас не было споров по поводу имущества, детей, вышло даже как-то деликатно всё. Дети остались со мной, с возможностью видеть отца, когда они захотят. Машину, которую он мне дарил пять лет назад, тоже оставил. И дом оставил.

И деньги исправно платит...

Только в душе дыра, которая совсем не затягивается. Как бы я ни старалась.

Многие проходят через развод, в Instagram у меня постоянно попадают ролики, где женщины рассказывают про свой опыт с изменами, обличают любовниц мужа, выкладывают много сториз, показывая личные переписки.

Я далека от этого всего. До сих пор не знаю, с кем он живёт, к кому ушёл, кто та женщина... И не лезу.

Знаю, что мне будет только больнее. Зачем себя терзать?

— Паша твой неблагодарный, конечно. Ты с ним была с самого начала, все его падения держала за руку. Троих детей родила. А он ушёл.

— Отец также ушёл, мам, почему тебя это удивляет?

— Потому что мужиков нормальных нет! Вот что меня удивляет! То, что даже Павел, который казался мне порядочным человеком, по итогу оказался очередным дерьмом.

Я не сразу замечаю, что сбоку у двери в кухню стоит Полина. И слышит слова своей бабушки. На глазах дочери собираются слёзы, она плотно прикусывает губы, неверяще качая головой.

Ей больно, когда кто-то плохо говорит про её папу. И я себе не позволяю грубых слов про её отца. Не должна детей склонять ни на чью сторону. Даже если в дни отчаяния именно так и хочется поступить.

— Мам, я перезвоню.

Скидываю звонок, откладываю нож на доску к недорезанному помидору и подхожу к Полине.

Обнимаю её за плечи, она тут же вырывается.

— Я ненавижу её!

— Полиш, это твоя бабушка. Взрослые иногда злятся и говорят плохие вещи, но это не значит, что это правда. Бабушка сказала, не подумав. Не злись на неё, пожалуйста.

— Нет, мама, я буду злиться! Вы не должны были разводиться, вы не должны были портить всё.

— Зайчик, прошу тебя, успокойся. Жизнь не самая лёгкая штука, иногда происходят события, к которым мы не готовы. Так бывает. Важно оставаться человеком до конца, я уважаю твоего отца за то, что он сделал для меня и для вас. И я не могу ничего сделать с тем, что он ушёл.

Здесь я немного лукавлю. Вру. Пытаюсь быть той самой мамой, которая мудрая и не злится.

Мне кажется, порой Полина чувствует в моих словах некую неискренность. Потому что в глубине души, конечно, я не приняла и не простила Павла.

И когда узнала, что беременна от него, почти сразу после развода, я назло ему не сказала.

Я не боялась, что он заставит сделать меня аборт. Я боялась, что он останется ради ребёнка... А я не хочу так жить, зная, что ночами он сбегает к другой.

Это страшнее всего.

Никто из моего окружения женского меня не понимает. Зачем я, имея уже троих детей, собралась рожать четвёртого?

Потому что малыш не виноват в том, что его родители разошлись.

— Я на каникулах, — дочь вытирает слёзы, — поеду с папой и мальчиками на горнолыжку.

— Конечно, — разве я могу возразить и запретить детям проводить время с отцом.

— С нами ещё Юля поедет.

Ясно. Юля. Имя, которое я слышу впервые. И мне не совсем хорошо становится. Малыш чувствует нервозность.
— Папа нас с ней недавно познакомил. Мама, она нормальная... Но я ей плюнула жвачкой в волосы. Их пришлось отрезать. Теперь у неё каре.

Округляю глаза.

— Папа наругал меня, я обещала ему больше так не делать. Но иногда я хочу повторить это вновь.

— Ты сильно расстроишь папу, Полиш, если так сделаешь. Лучше не надо...

Дочь кивает, я отхожу от неё и возвращаюсь к нарезанию овощей. Ножик в руке не держится, потому что ладони вспо-

тели.

Юля... Юля... ну ладно. Теперь я знаю её имя.

— Поля, помнишь наш уговор? Папе пока не говорим...

— Помню, мам. Ты же обещала за молчание купить мне новый телефон.

Киваю, дочь убегает.

Молчание дочери пришлось покупать в прямом смысле. Она на сто процентов никогда не встанет на мою сторону. С мальчиками было попроще... Они сказали, что мы с их отцом взрослые люди, они лезть не будут в наши отношения.

И вот шесть месяцев я молчу о том, что беременна от бывшего мужа.

Только всё заканчивается этим же вечером.

Павел впервые за полгода появляется на пороге нашего дома, зло сверкает своими небесными глазами, машет по животу взглядом полным разочарования.

И говорит то, что не должен говорить совсем:

— Нам придётся вновь пожениться.

Глава 6. Лиза

Тишина.

После его слов она наступает внезапно и повисает в воздухе плотным, давящим одеялом. Даже Полина, притихшая где-то на лестнице, не решается нарушить её. Я слышу, как стучит кровь в висках, совпадая с бешеным ритмом сердца. А его слова, этот абсурдный, чудовищный ультиматум, все еще звенят в ушах, как навязчивый мотив.

Он стоит на пороге, мой бывший муж. Небесные глаза, которые я когда-то любила, теперь сверкают холодным, почти металлическим блеском. В них нет ни радости, ни нежности, ни даже извинения. Лишь решимость и то самое разочарование, которое он бросает мне, как обухом по голове.

«Пожениться вновь».

Словно мы говорим о сломанной машине, которую нужно починить. Словно семнадцать лет, трое детей и моя израненная душа — это просто чертеж, на котором он красным карандашом рисует новую деталь. Четвертого ребенка.

Мои ладони инстинктивно смыкаются на животе, на еще почти невидимой, но уже такой родной и моей выпуклости. Моей. Не его. Не его решение.

— Что? — вырывается у меня хрипло, будто меня долго душили.

— Ты слышала меня, Лиза. Я не собираюсь бросать своего

ребенка. И не собираюсь позволять тебе растить его без отца. Мы поженимся. Восстановим семью.

Он говорит это так уверенно, так буднично, словно объявляет о планах на выходные. В его тоне нет ни капли сомнения, что я могу быть с ним не согласна.

И от этой уверенности, от этого тотального неуважения ко мне и моему выбору, внутри все переворачивается. Усталость, страх, нерешительность — все это сгорает в одиночестве, сметенное яростной, праведной волной гнева.

— Ты с ума сошел? — голос мой крепнет, в нем звенит сталь, которую я сама в себе не слышала давно. — Ты приходишь в мой дом, спустя полгода после того, как ушел к другой женщине, и... приказываешь мне? Поженимся? Ты о чем вообще, Павел?

Он хмурится, делая шаг вперед. Я не отступаю.

— Я говорю о правильном поступке. Ребенку нужны отец и мать. Полная семья. Или ты хочешь, чтобы он рос, как... — он замолкает, но я понимаю.

— Как кто? Как несчастный сирота? Как дети Кривошеева, у которых, по словам твоего сына, «норм всё»? — я сама удивляюсь своей язвительности. Горечь льется через край. — Он будет расти любимым. У него есть я. И есть братья и сестра. И будет отец, который будет с ним видаться, если захочет. Но он не будет расти в семье, где папа женился на маме из чувства долга, а по ночам мечтает о другой. Я не позволю этому случиться.

— Лиза, хватит нести чушь! — он повышает голос, и где-то наверху шмыгает носом. Полина. — Это не чувство долга! Это... ответственность.

— Ответственность? — я горько смеюсь. — Ответственность была — не путаться с другими женщинами, пока ты в браке. Или хотя бы предохраняться. А это, Паш, — я делаю шаг к нему, глядя прямо в эти холодные голубые глаза, — Это чистой воды попытка заткнуть совесть. Ты испугался. Испугался, что тебя осудят. Что твои родители скажут: «сынок, как же так, бросил беременную». Что в твоём идеальном мире появится трещина. Нет уж. Я не стану твоим пластырем. Никакой свадьбы не будет.

Его лицо искажается от злости. Он не ожидал такого сопротивления. Он привык, что я уступаю, что я ищу компромисс, что я «мудрая». Но есть вещи, в которых мудрость заключается в том, чтобы быть стервой.

— Ты эгоистка! Ты думаешь только о себе! — шипит он.

— Да! — выкрикиваю я, и это звучит как освобождение. — Наконец-то! Я думаю о себе! О своём психическом здоровье. О своём праве на счастье, которое не зависит от твоего великодушного желания «поступить правильно». Я не хочу тебя, Павел. Понимаешь? Не хочу мужа, который смотрит на меня с разочарованием. Не хочу ловить твой взгляд в поисках того, кого ты там ищешь. Ее, Юлю? Не хочу делить с тобой постель и гадать, о ком ты думаешь. Мой ребенок заслуживает лучшего. И я заслуживаю лучшего.

Он немеет. Кажется, впервые за все семнадцать лет я говорю ему что-то настолько прямое и беспощадное. Он видит перед собой не уставшую, вечно согласную Лизу, а другую женщину. Хрупкую, беременную, но с несгибаемым стальным стержнем внутри.

— Ты не в себе, — наконец выдавливают он. — Гормоны. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я понимаю каждое слово. Уходи, Павел.

— Я не оставлю тебя одну в таком состоянии.

— Я не одна. У меня есть я. И это сейчас самый главный человек в моей жизни. Уходи. Обсудим все, когда ты остынешь и поймешь, что только что натворил.

Я поворачиваюсь к нему спиной, демонстративно беря со стола недорезанный помидор и нож. Рука дрожит, но я сжимаю рукоятку так, что костяшки белеют.

Я чувствую его взгляд у себя в затылке. Тяжелый, яростный, неверующий.

Потом раздаются шаги. Он резко разворачивается и выходит, хлопнув дверью так, что дребезжат стекла в буфете.

Только тогда я позволяю себе выдохнуть. И заплакать. Не от жалости к себе, а от дикой, всепоглощающей ярости, которая вырывается наружу жгучими, солеными слезами.

Ступеньки скрипят. На кухню робко входит Полина. Ее глаза огромные от страха и слез.

— Мама?.. Вы с папой теперь ненавидите друг друга?

Я опускаю нож, вытираю лицо тыльной стороной ладони и

открываю ей объятия. Она прибегает и прижимается ко мне, вся напряженная.

— Нет, детка. Мы не ненавидим друг друга. Мы... сильно обидели друг друга. И сейчас нам очень больно. И поэтому мы злимся. Но мы оба любим тебя и мальчиков. И этого малыша, — я глажу живот. — Просто иногда любви недостаточно, чтобы жить вместе. Понимаешь?

Она молча кивает, уткнувшись лицом мне в грудь.

— Он правда не вернется?

Я закрываю глаза, чувствуя, как по моей душе снова ползет трещина. Но на этот раз я не даю ей разломить меня на двое.

— Нет, солнышко. Не вернется. Но он всегда будет твоим папой. И мы постараемся быть для вас хорошими родителями. Просто... отдельно.

И произнося это вслух, я понимаю, что это и есть та самая правда, которую я так долго искала. Горькая, неудобная, болезненная. Но единственно верная.

Не «поженимся». Не «вернемся».

А «отдельно».

Глава 7. Лиза

Кирилл спускается по лестнице неспешно, его шаги глухо отдаются в тишине нашего, вдруг ставшего таким чужим, дома. Он ловит мой взгляд и замирает на полпути, опираясь лбом о прохладное дерево перил. Взгляд его мечется куда-то вверх, в сторону комнат, и тогда он, понижая голос до шепота, бросает в пространство:

— Я слышал, что приходил отец, ма.

Этот шепот кажется таким конспиративным, таким неестественным для нашего всегда шумного жилища, что у меня внутри все сжимается в холодный комок.

— Мам, — продолжает он, и в его голосе звучит неподдельная, почти взрослая серьезность. — Я на твоей стороне. И Матвей тоже. Но... — Сын нервно закусывает губу, и я буквально физически ощущаю, как он подбирает слова, которые должны ранить как можно меньше. Они все равно ранят. — Мы очень хотим поехать с папой на горнолыжку. Я так давно мечтаю встать на сноуборд.

Мои собственные, припасенные на такой случай аргументы, что я тоже могу их свозить, что мы как-нибудь съездим, рассыпаются в прах, даже не сформировавшись в слова.

Какой в них смысл?

Во-первых, я ненавижу зимние виды спорта всем сердцем, это его территория, территория их отца.

А во-вторых... Я кладу руку на едва округлившийся, но уже такой требовательный живот. Любое движение дается мне с трудом, каждый шаг отзывается тянущей тяжестью внизу живота. Этот крошечный человечек внутри уже всюду давит на диафрагму, заставляя меня ловить воздух короткими, прерывистыми глотками. Мне просто хочется лежать и не двигаться, зарывшись в одеяло, как в кокон.

Я не могу и не хочу запрещать им видеться с отцом. Но мысль о том, что она будет там, наблюдать, как мои дети учатся кататься, смеяться с ними за одним столом, обжигает изнутри едкой кислотой. Хотя... Теперь-то я даже не знаю, будет ли она там. После того, с чем пришел Паша.

— Мне, кстати, Юля тоже не нравится, — сын почему-то продолжает шептать. И когда он вновь бросает взгляд наверх, я понимаю, что он говорит тихо, чтобы не услышал Матвей, — А Матвею норм. Она нас зайчками называет, — Кирилл кривится, и его передергивает от искреннего отвращения. — Это просто бесит.

Я внимательно слушаю его, киваю, но внутри поднимается черная, стыдная волна: мне хочется, чтобы он просто заткнулся. Чтобы это всё прекратилось. Сейчас. Сию же секунду.

— Я не против, что вы поедете с отцом, — выдыхаю я, и это чистая правда. Мне отчаянно нужна передышка от этого хаоса, от их энергии, от постоянных вопросов. — И мне самой нужен отдых от вас, — признаюсь с горькой прямоотой.

— Но прежде, исправь двойку по физике. И я не шучу, Кирилл. Ты скатился по учебе так, что скоро дна не видно будет. То, что у нас в семье... разлад, — я с трудом выдавливаю это слово, — Не повод забивать на будущее. Пострадал, и хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.